

ДАВАЯ ОТЧЕТ В НАШЕМ УПОВАНИИ: АПОЛОГЕТИКА ДЛЯ 21-ого ВЕКА*

Профессор, д-р Джон Уорвик Монтгомери

I. Где мы находимся и почему это важно

Христиане, озабоченные защитой веры, однажды преданной святым, должны распознать уникальное культурное окружение, в котором мы оказались на рубеже нового тысячелетия. Эта уникальность происходит из комбинации факторов, ни в коем случае не ограниченных возросшей секуляризацией и светской самоудовлетворенностью. Ведущими являются факторы: 1) расширение того, что канадский социолог Маршалл Маклухан назвал “глобальной деревней”: качественный и количественный рост глобальных коммуникаций, приведший к непрерывному и неизбежному контакту между верующими и неверующими; 2) плюрализм, до определенной степени неизвестный в прошлом, даже в эру эллинизма; его последствиями стало умножение сект, религиозных и философских мировоззрений и взаимного проникновения мировоззрений (например, восточные религии превратились в западные направления “Нового века”); 3) возросшая изоэщенность со стороны части религиозных фанатиков. Примеры (среди многих других) включают применение культом «Сайентологии» юридического запугивания с целью подавить критику этого движения параллельно с привлечением групп юристов из многонациональных корпораций для защиты их публичного имиджа¹; также применение «Аль-Кайедой» особо сложных компьютерных технологий для продвижения их интеграционных и террористических планов²; 4) растущее осознание, проистекающее в значительной степени из событий 11 сентября 2001, что все религии фактически *не* “говорят одно и то же”, несмотря на утверждения целых поколений либерального духовенства и преподавателей сравнительного богословия.

Почему эти рассуждения так важны? Распознавание нашего текущего исторического окружения исключительно важно потому, *что только зная его, мы сможем направлять нашу апологетику к подлинным потребностям неверующего*. Коренной принцип здесь следующий:

[1] Апологетика ≠ Догматика

Под этим мы подразумеваем, что апологетика начинается там, где находится неверующий, “становясь всем для всех, чтобы спасти по крайней мере некоторых,” — “для иудеев как иудей, для язычников как язычник”³, тогда как догматика начинается с особого откровения Бога Себя в

---

* Вступительная лекция, произнесенная на конференции «Надежда для Европы», проводимой Евангельским альянсом в Будапеште (Венгрия) с 27-го апреля по 1-ое мая 2002 года. Джон Уорвик Монтгомери, доктор философских наук (Чикаго), доктор теологических наук (Страсбург), является почетным профессором юриспруденции и теологии, а также академическим вице-президентом (в Великобритании и в континентальной Европе) Колледжа Святой Троицы и теологической семинарии (Индиана, США); кроме этого, он заслуженный профессор юриспруденции и гуманитарных наук университета Лютона (Англия), адвокат (Англия и Уэльс) и член Верховного суда Соединенных Штатов.

¹ Будучи английским адвокатом, я давал консультации по делу *Бонни Вудса против «Церкви Сайентологии»* несколько лет тому назад. Вудс и ее муж обратились из сайентологии в евангельское христианство и начали противокультурное служение, помогая другим выбраться из сайентологии. На основании этого на них подали в суд за клевету на «Церковь сайентологии». Со своими огромными финансовыми ресурсами «Церковь Сайентологии» могла обанкротить семью Вудс, хотя по закону последние были правы. Наша стратегия состояла в апелляции к суду расследовать все основополагающие принципы «Церкви» на основании того, что единственный способ узнать, была ли «Церковь» действительно оклеветана, состоял в определении наедине с ее членами ее вероучения и практики и принципов ее прозелитизма. Как мы и ожидали, «Церковь» предпочла снять иск вместо демонстрации своего истинного лица.

² См. Reuel Marc Gerech, “The Gospel According to Osama bin Laden,” *Atlantic Monthly*, January 2002, pp. 46-48.

³ По классической схеме догматика и апологетика рассматривались как два из трех ответвлений систематической теологии (этика является третьей). Эту книгу, как и другие мои работы по апологетике, можно найти на веб-сайте

Священном Писании и разъясняет его содержание. Следует отметить, что это не означает занятие подгонкой вечного послания к потребностям неверующего в рамках апологетики. Это послание—то же самое вчера, сегодня и вовеки. Наши методы передачи вечной Благой Вести, однако, должны развиваться в соответствии с личным, социальным и культурным окружением, которое никогда не остается постоянным. Если это основополагающее различие не будет понято, тогда *либо* догматика будет поглощена апологетикой (в ущерб Благой Вести), *либо* апологетика будет проглочена догматикой (результатом станет то, что защита Благой Вести будет понятна только тем, кто уже верит в нее). Первая из этих ошибок свойственна религиозным либералам; вторая—специфична для религиозных консерваторов.⁴

II. Избежание ошибок 20-ого столетия

Мы только что рассмотрели, что существуют ошибки, характерные для двух главных теологических полярных противоположностей. Взглянем же теперь на несколько других особенно печальных ошибок в доктринах религиозных либералов и консерваторов как на фон к обсуждению продвижения к более твердому основанию апологетики.

Консерваторы. “Библейский христианин” часто не видит никакого различия между проповедью и движением пробуждения, с одной стороны, и, с другой—благовестованием и апологетикой. Он будет использовать брошюры, которые практически ничего не содержат, кроме цитат из Библии; на ум приходит небольшой буклет Р. А. Торрея, состоящий из вопросов неверующего человека, сопровождаемых ответами из текста Библии. Несостоятельность (разве это не очевидно?) такого подхода состоит в том, что в 2002 году едва ли можно считать нехристианина отступившим христианином, который знает, что Библия истинна, но живет по принципам, не соответствующим ей. При множестве альтернативных “священных книг” (Коран, Бхагавад-Гита, Книга Мормона и т.д.), опасно предполагать, что неверующий человек легко воспримет цитаты из Библии. Сам термин “пробуждение”—используемый так часто в евангельских кругах как эквивалент “евангелизма”—показывает, как нереалистично мы рассматриваем состояние среднего нехристианина сегодня. По сути дела мы должны *демонстрировать обладание Священным Писанием откровения* против конкурирующих притязаний на истину вне Писания. И наша личная “святость” едва ли может служить доказательством библейского откровения, как не могут наши прегрешения подвергнуть сомнению его истинность. Как прекрасно выразился Лютер: полное Евангелие—*extra nos*.

Некоторые сведущие консерваторы совершают смертельную ошибку, *смешивая апологетику с философией*. Как они это делают? Они тратят свою энергию на обсуждение вопросов, имеющих незначительное воздействие или вовсе не имеющих такового на истину веры или ее принятие. Например, соотношение времени к творению: мог ли Бог логически функционировать до создания творения временного характера? (На собрании Евангельского философского общества в США несколько лет тому назад я стал непопулярным, процитировав Августина, который, когда ему задали вопрос: “Что делал Бог до того, как Он создал мир?”, ответил: “Готовил ад для людей, задающих подобные вопросы”). Так мы приходим к нашей следующей истине-аксиоме:

Канадского института права, теологии и общественной политики, Эдмонтон (Альберта, Канада):

www.lights.com/caninst/. Сегодня в теологических кругах наставление в апологетике практически исчезло. В самом лучшем случае, иногда она появляется в ухудшенной форме в классах по философии религии.

⁴ См. мою книгу «*Вера, основанная на факте*». Печально, но великий кальвинистский догматик Корнелиус Ван Тиль был уверен в том, что его великое апологетическое достижение (в споре с Б.Б. Уорфильдом) состояло в том, что он продемонстрировал Бога, открывающегося в Писании, начальной точкой как апологетики, так и для догматики. Уорфильд, однако, знал, что делал: апологетика, настаивающая на том, чтобы нехристианин начинал там же, где и христианин, вовсе не апологетика. В лучшем случае это можно назвать проповедью; в худшем—это приносит только вред.

[2] Апологетика ≠ Философия

Это утверждение истинно не просто потому, что как апологет Эдвард Джон Карнелл имел обыкновение говорить, существует столько же апологетик, сколько имеется фактов в мире, то есть апологетика использует каждый истинный факт и каждую истинную научную дисциплину для своей цели: историю, точные науки, юриспруденцию, литературу, искусство. Особая причина, по которой апологетику нельзя свести к философии, заключается в том, что абстрактные вопросы традиционной философии либо исключительно *формальны*, занимаясь вопросами логики, а не факта, либо настолько сокровенны, что они не касаются центральных элементов Евангелия (принятие смерти нашего Господа за наши грехи и Его воскресения для нашего оправдания). Сущность Евангелия заключается в *факте*, и его принятие будет обязательно зависеть от того, являются ли документальные описания служения Иисуса подлинными, являются ли свидетельства о Его жизни и служении точными, и можно ли принять Его утверждения и Его воскресение из мертвых. Важные философские вопросы действительно присутствуют в данном конкретном случае (типа закономерности доказательства чуда), но данный случай в конечном анализе является *фактическим*. Метафизические проблемы можно обсуждать начиная с этого времени до момента следующего за временем последнего суда, но критический вопрос фактичности Евангелия остается нетронутым. И именно фактическая истина Евангелия составляет и всегда составляла основу христианского провозглашения и основы христианской апологетики.

В связи с только что обсужденной ошибкой существует консервативная тенденция считать, что лучшая апологетическая стратегия состоит из демонстрации того, что христианские утверждения действительно философски “значимы”, то есть не иррациональны и не бессмысленны формально. Один из наиболее влиятельных и важных христианских философов нашего времени преуспел в демонстрации того, что существование зла не является логически несовместимым с существованием всемогущего, всезнающего Божества. Отлично! Но логическая возможность едва ли может считаться положением дел *de facto*! Нет ничего *логически* абсурдного в утверждении, что «большой взрыв» был продуктом божественной отрыжки, но это едва ли означает, что именно так все и произошло.

Замены для доказательства в нашей защите веры не существует. Жизнь больше чем логика; и снова и снова то, что казалось иррациональным, оказывалось истинным на основании фактического доказательства в его защиту. Таким образом, физические свойства света (корпускулярное (состоящий из частиц) и волновое) взаимно противоречивы, так как волны—это не частицы, а частицы—это не волны. Но доказательство неопровержимо, и потому существует фотон. Философские рассуждения о содержательности понятия могут только второстепенно помочь разрешению похожего вопроса касательно триединства. Мы должны делать основной упор в нашей апологетике на историческое доказательство того факта, что Иисус, воскреснув из мертвых, утвердил истинность Своих притязаний на божественность, и отсюда следуют Его утверждения, что Он и Отец—одно;⁵ что Святой Дух— это “другой” (греч. *аллос*—“такого же самого качества”), подобный Ему,⁶ и что Церковь должна крестить во имя Отца, и Сына, и Святого Духа. Если эти факты подлинны, мы отдали дань вопросу. Мы не понимаем механизм взаимодействия личностей Божества более, чем мы понимаем что-либо в случае с сущностью света, но это не изменяет фактическое положение вещей в наименьшей степени.

Либералы. Мы уже отметили, что подавляющая тенденция религиозного либерала направлена к приспособлению к светскому климату, теряя, таким образом, послание, которое он стремится передать. Вот печальный пример: в 1950 году почтенный Лесли Бадхем издал

---

⁵ Иоан. (14:8-11)

⁶ Иоан. (14:16)

томик качественной христианской апологетики под названием «*Вердикт об Иисусе: новое утверждение доказательства*». Бадхем был выдающимся консервативным богословом и прекрасным проповедником. В течение приблизительно тринадцати лет он был викарием Виндзора и капелланом Ее Величества королевы (которая никогда не испытывала симпатий к либерализму в церкви). За время его служения он чувствовал себя одинаково уютно как за кафедрой, так и на радиоволнах. «*Вердикт об Иисусе*» был расширен во втором издании в 1971 году. После смерти Бадхема его сын, в настоящее время декан богословия в университете Уэльса в Лампигере, занялся книгой. Последовали третье (1983) и четвертое (1995) издания, текст которых остался существенно таким же, каким его составил первоначальный автор. Однако сын Бадхема снабжал эти издания новыми предисловиями с намерением обновить книгу. Главная цель первоначального труда состояла в доводах в пользу фактической надежности библейских рассказов о жизни Христа и закономерной достоверности Его утверждений. Сын Бадхема, однако, став приверженцем так называемой “исторической критики” библейских повествований, поддерживает позицию Джона Хика в его труде «*Миф Бога воплощенного*» в том, что воплощение метафорично по своему характеру. “Следовательно, —говорится читателю,—возможно совершить посвящение веры в Иисуса как воплощенного Бога, будучи уверенным, что язык написания является истинным скорее в метафорическом, чем в онтологическом смысле”.⁷ Это, конечно, не только является ересью по канонам экуменических символов веры вселенской Церкви, но также и полностью лишает смысла мощный первоначальный аргумент его отца в защиту христианской веры. Как я утверждал в другом эссе, в моем критическом анализе позиции Хика: как только человек приспособляется к недостаточной научности “высшей критики”, потеря фундаментального христианского учения логически неизбежна и эффективная апологетика представляется невозможной.⁸

Вторая грубая ошибка религиозного либерала состоит в капитуляции перед присущим постмодернизму мышлением, которое отказывается принять всерьез объективность внешней действительности. По мнению современных мыслителей наподобие Жака Деррида, попытка найти суть объективного смысла в мире или в литературных материалах типа Библии представляет химерический поиск. Неизбежно существует столько же верных интерпретаций, сколько и интерпретаторов, говорят нам, и интерпретаторы всегда подходят к объектам изучения со своими собственными личными, культурными и наполненными предпосылками точками зрения. Кроме того, как в случае с литературными трудами, смысл всегда многослоен и никогда не может быть полностью понят усилиями добраться к первоначальному авторскому намерению или его цели.⁹

Такая перспектива, конечно, очень гостеприимна по отношению к религиозному либералу, который никогда не имел твердого взгляда на единство Священного Писания, всегда расценивал Библию как продукт различного человеческого культурного опыта и имел мощную тенденцию заменить доктрину создания Богом нас по Своему образу гуманистическим богословием создания Бога (и богословия) нами по нашему образу.

Религиозные либералы, кажется, никогда не замечают фундаментальную нелогичность во взгляде, согласно которому действительность вне нас—включая библейское повествование—не имеет объективного смысла и каждый человек никогда не сможет выйти за пределы своей собственной “личной истории” в понимании мира, Библии или религиозной истины. Фактически этот подход проваливается в бесконечный регресс солипсизма, если довести его до логического заключения.¹⁰ Если Библия (или что-либо еще) не имеет объективного смысла,

⁷ Paul Badham, Introduction to Leslie Badham, *Verdict on Jesus* (4th ed.; Wantage, U.K.: Ikon Productions, 1995), p. xv.

⁸ John Warwick Montgomery, “Why Has God Incarnate Suddenly Become Mythical?,” в *Perspectives on Evangelical Theology*, ed. Kenneth S. Kantzer and Stanley N. Gundry (Grand Rapids, Michigan: Baker Book House, 1979), pp. 57-65.

⁹ См., *inter alia*, Stuart Sim (ed.), *The Icon Critical Dictionary of Postmodern Thought* (Cambridge, England: Icon Books, 1998).

¹⁰ Два замечательных противоположных мнения этому мышлению: Noretta Koertge (ed), *A House Built on Sand: Exposing Postmodernist Myths About Science* (New York: Oxford University Press, 1998); и Kevin J. Vanhoozer, *Is There*

тогда его нет и в трудах и утверждениях постмодернистов! Для того чтобы вообще общаться, мы должны предположить, что по крайней мере наши собственные вербальные и письменные утверждения могут быть поняты в том смысле, в котором мы их подразумеваем. Но если так, мы едва ли можем утверждать, что дело обстоит не так с выражениями других, включая высказывания нашего Господа, который сказал: “Имеющий уши слышать, да слышит” и осудил тех, кто извратил ясное слово, сказанное Его Отцом через Моисея и пророков.¹¹ Здравая христианская апологетика требует серьезного взгляда и на объективную действительность, и на Библию, которая не говорит с раздвоенным языком.

Вдобавок к этому, религиозные либералы—особенно в Англии—с готовностью уступают стилю мышления, навязываемому СМИ. Под этим мы подразумеваем готовность не набрасываться слишком сильно на одну из сторон обсуждаемого вопроса из опасения оскорбить кого-то, особенно популярного или снискавшего известность атеиста. Здесь снова ключевое слово—приспособленчество: абсолютно ложное предположение, что христианство может находить единомышленников и приверженцев, изменяя свое учение, чтобы сделать его более приемлемым светскому мышлению.

К несчастью, эта тенденция ни в коем случае не ограничена религиозным либерализмом. В евангелических кругах, особенно в Великобритании и на европейском континенте, становится тяжелее и тяжелее находить тех, кто безоговорочно подтверждает *непогрешимость* Библии. “В конце концов,—говорят нам,— это слово не упомянуто в Библии; и ни Благая Весть, ни христианский опыт не пострадают от незначительных исторических ошибок или противоречий в Писании”. На что мы отвечаем: “Слово “Троица” также не упоминается в Библии, но мы отклоняем этот факт в виду угрозы богословию. И если библейские авторы не смогли точно описать храм в Иерусалиме, например, что заставляет человека думать, что они верно описывают Небесный Иерусалим? Логично полагать, что храм требует внимания менее, чем Небесный Иерусалим! Не говорил ли наш Господь: “Если я сказал вам о земном, и вы не верите, как поверите, если буду говорить вам о небесном?”¹²

У нас на руках также печальные допущенные уступки так называемому богословию “открытости Бога”, сделанные недавно некоторыми евангелическими мыслителями, посредством которых всеведение Бога выброшено за борт ввиду предполагаемого интереса сохранения человеческой свободы. Некоторые харизматы, в частности, считали, что это обеспечивает более человеческое лицо для Бога и более привлекательное Божество в глазах потенциальных новообращенных. Едва ли! Из этого подхода получается Бог, который не может пообещать ничего, на что можно было бы положиться бедному грешнику, так как Он не меньше чем Его создания ограничен статистическим предсказанием будущего. Одним из величайших истинных апологетических обращений продолжает быть то, которое, согласно преподобному Биду, обратился нортумбрианцев 7-ого столетия: аргумент в пользу такого взгляда на жизнь, как на воробушка, на мгновение залетевшего в ярко освещенное помещение и быстро исчезнувшего в темноте, является мыслью чрезвычайной неопределенности и что “если это новое учение принесло какую-либо большую уверенность, то должно быть очевидным, что ему нужно следовать”.¹³

III. Путь вперед

---

a Meaning in This Text? The Bible, the Reader and the Morality of Literary Knowledge (Leicester: Apollon/Inter-Varsity Press, 1998).

¹¹ Ср. Лук. (16:29-31)

¹² Иоан. (3:12)

¹³ Bede, *Ecclesiastical History*, ii. 13. Cf. John Warwick Montgomery, *The Suicide of Christian Theology* (Newburgh, Indiana: Trinity Press, 1998), особенно pp. 42-43. Великий современник Биды, английский законовед-христианин лорд Хэйлшам из Марилебона назвал свою вторую автобиографию «*Полет воробья*», во время похоронного служения по его просьбе была зачитана поэма его собственного сочинения, в которой он называл себя простым воробьем.

Что мы должны делать для избежания ошибок—и либеральных, и консервативных—только что выделенных мной? Как мы можем достичь решительной и качественной апологетики для 21-ого столетия? Подумайте над пятью минимальными требованиями.

Во-первых, должна быть *энергичная атака на абсолютно ложное понятие, что человеку для полноценной жизни Иисус Христос не нужен*. Часто подмечается, что те, кто не убежден в своей болезни, не пойдут к доктору. Мы должны использовать труды экзистенциалистов (Сартра и особенно Камю¹⁴) и глубинных психологов и психоаналитиков, чтобы указать на нищету человеческого состояния вне взаимоотношений с Христом. Это не должно быть даже в наименьшей степени трудно, так как эти мыслители высказали бессмысленность бытия и пустоту в центре человеческого сердца всевозможными способами. Карл Густав Юнг, к примеру, провел аналогию человеческого состояния с персонажем детсадовских историй Шалтай-Болтаем, разбитым и неспособным собрать себя воедино вновь.¹⁵ И, что еще хуже, как подмечает Жак Лакан, “основная позиция анализируемого при психоанализе—это отказ от знания, волевое усилие не знать (*ne rien vouloir savoir*). Анализируемый не хочет знать ничего относительно его или ее невротических механизмов, ничего относительно причин и следствий своих симптомов. Лакан заходит так далеко, что классифицирует незнание как страсть, превосходящую любовь или ненависть: страсть не знать”.¹⁶ “Чем,— задают шуточный вопрос,— психиатр отличается от шахтера?” Ответ: “Психиатр спускается глубже, остается внизу дольше и вылезает грязнее”. Одним из очень немногих положительных результатов ужаса 11-го сентября 2001 года было то, что это заставило многих американцев вернуться назад в церковь (по крайней мере на какое-то время!). Почему? Потому что им напомнили о хрупкости жизни, неизбежности смерти и их неспособности управлять их собственными судьбами. Апологет 21-го столетия должен направлять эти истины, основываясь на универсальном человеческом опыте.

Во-вторых, эффективный апологет *должен быть готов предпринять бескомпромиссную лобовую атаку на преобладающие нехристианские мировоззрения*. Либеральное приспособленчество должно быть категорически искоренено. Любая выгода от компромисса совершенно ничтожна по сравнению с потерями—потерями в честности и силе евангельского послания.

Как атаковать светские мировоззрения? Не периферийные вопросы (их неспособность жить по своим собственным принципам, например), а *центральные предпосылки основ их убеждений*. Действенный способ уничтожить предназначенное на слом здание состоит не в том, чтобы начинать разбирать его с кровли, удаляя куски черепицы один за другим; нужно просто взорвать фундамент, после чего все здание рухнет. Взгляните на пример марксизма: его фундаментальная ошибка состоит в предположении, что модификации в средствах производства в обществе произведут “новых людей”—пролетариат, людей, способных к созданию совершенного, бесклассового общества.¹⁷ Но в истории человечества изменения во внешней по отношению к человеку среде *ничуть* не изменили эгоистичную природу человека. Точно такая же ошибка находится в самом сердце либерального западного утопического социального планирования. Разрушайте трущобы, замените их чистыми новостройками, поместите тех же самых людей в новостройки—и здания вскоре снова станут трущобами. Как Иисус подвел этому итог (а человеческий опыт полностью подтверждает это): “Исходящее из человека

---

¹⁴ Хотя Камю все считают секулярным экзистенциалистом, ко времени, когда он погиб в автомобильной катастрофе, он серьезно подумывал о христианском крещении, которое бы получил от одного из моих бывших студентов, проповедовавшего тогда в американской церкви в Париже: см. Howard Mumma, *Albert Camus and the Minister* (Brewster, Massachusetts: Paraclete Press, 2000).

¹⁵ Справ. John Warwick Montgomery, *Myth, Allegory and Gospel* (Minneapolis: Bethany, 1974).

¹⁶ Bruce Fink, *A Clinical Introduction to Lacanian Psychoanalysis: Theory and Technique* (Cambridge, Massachusetts: Harvard University Press, 1997), p. 7.

¹⁷ См. John Warwick Montgomery, “The Marxist Approach to Human Rights: Analysis and Critique,” 3 *Simon Greenleaf Law Review* (1983-84), *passim*.

оскверняет человека; ибо изнутри, из сердца человеческого, исходят злые помыслы, прелюбодеяния, любодеяния, убийства, кражи, лихоимство, злоба, коварство, непотребство.... Все это зло ивнутри исходит, и оскверняет человека”.¹⁸ Только личные, живые взаимоотношения с Иисусом Спасителем могут преобразовать сердце: “Итак, кто во Христе, тот новая тварь, древнее прошло, теперь все новое”.¹⁹

Кроме того, мы не должны бояться *атаковать ошибочную логику нехристианских позиций*. Хотя, как было указано ранее, опровержение неверных точек зрения не устанавливает истинность собственной, совершенно необходимо удалить ложные надежды, которые часто мешают нехристианам даже взглянуть на христианство. Возьмите как очевидный пример изображение Иисуса Кораном, противоречащее в своей сути изображению Его Новым Заветом как уникального Сына Божьего, пришедшего на землю, чтобы умереть за грехи мира. Так как свидетельство Нового Завета исходит от свидетелей или близких друзей свидетелей, в то время как описание Мухаммеда появилось на сцене шестьсот лет спустя, никто с хоть каким-то представлением об истории не предпочтет последнее первому.²⁰

Еще одна классическая часть нехристианской нелогичности—это часто слышимый аргумент, что вера в Бога-Творца ничего не решает, так как человек остается с вопросом: “Кто же создал Бога?” Однако так как бесконечный регресс ничего не решает, нужно остановить причинный процесс либо на Вселенной, либо на Творце Вселенной; и так как Вселенная очевидно условна (ничто в ней не может объяснить себя самое), гораздо более целесообразно обратиться к безусловному, абсолютному Богу-Творцу, чем боготворить Вселенную, мифически воображая, что она вовсе не обусловлена! Те, кто является приверженцем последнего взгляда, показывают, что именно неверующий создает мифы, а не теист, демонстрируя, вовсе не случайно, что Фрейд, когда утверждал, что сторонники в Боге мифически создают иллюзию божественного существования, изменил реальность на прямо противоположное. Фактически теист—это самый настоящий реалист, а атеист создает иллюзию, что мир является самостоятельным, не требующим объяснений и потому абсолютным.²¹

В-третьих, кроме желания и готовности доказать безнадежность и нелогичность нехристианских мировоззрений, апологет 21-ого столетия *должен предложить положительное, непреодолимое доказательство в поддержку христианских убеждений*. Обратите особое внимание на выражение апостола: “Будьте всегда готовы всякому, требующему отчета в вашем уповании дать ответ [греч. *апология*] с кротостью и благоговением”.²² Просто проповеди Благой Вести или заявлений о надежде *никогда* не достаточно! Нужно *всегда* объяснять *причину* надежды. Это можно выразить в виде аксиомы:

[3] Апологетика ≠ Проповедь

Какое положительное доказательство должно быть представлено? В центре внимания должна находиться демонстрация верности утверждения нашего Господа о том, что Он есть “путь, истина и жизнь”, так, чтобы ищущий смог оценить, почему Он заявлял: “Никто не приходит к Отцу, как только чрез Меня”. Мы не пытаемся убедить людей стать деистами, теистами или членами определенных религиозных организаций. Мы стараемся убедить людей принять Иисуса как личного Спасителя—как единственного, кто может “спасти их от грехов их”. Чтобы достичь этого, нет иного выхода, как только приводить доводы в пользу целостности

---

¹⁸ Марк. (7:20-23)

¹⁹ 2-е Кор. (5:17)

²⁰ См. John Warwick Montgomery, “How Muslims Do Apologetics,” 51 *Muslim World* (April and July 1961), reprinted in his *Faith Founded on Fact* (Nashville and New York: Thomas Nelson, 1978).

²¹ John Warwick Montgomery, *Christianity for the Toughminded* (Minneapolis: Bethany, 1973), pp. 21-34.

²² 1-е Пет. (3:15)

документов Нового Завета, надежности свидетельства Иисуса, содержащегося там, и фактичности Его воскресения из мертвых как конечного доказательства Его утверждений.²³

Такая аргументация может извлечь огромную пользу из прекрасного комментария Теодора Зана к Евангелию от Иоанна, устанавливающего апостольское авторство книги; и объяснения Адольфа Харнака в поддержку датирования синоптических Евангелий в рамках одного поколения после распятия Иисуса на кресте (Книга Деяния Апостолов должна была быть написана до 64-65 гг. н.э., так как она не приводит описания смерти Павла, своего главного персонажа; Евангелие от Луки того же автора должно было быть написано до Деяний; и Лука использовал Марка как один из своих источников, что заставляет датировать Евангелие от Марка еще раньше). Вообще с притязаниями и субъективной, слабой научностью критиков форм и редакционных критиков нужно сражаться на всех фронтах. "Высшая критика"—это самый смертельный враг, которого апологет 21-ого столетия должен уничтожить.²⁴ Отступить в пиетизм или в доктрину "двойственной истины", наподобие разработанной Аверроу ("да, Евангелия исторически неосновательны, но нет, наша вера в Иисуса остается прочной"), означает уничтожение правдоподобия христианского послания и устранение любой значимой апологетики в пользу его истины.

Четвертое важное требование для эффективного современного апологета состоит в *готовности адресовать наиболее трудные вопросы, беспокоящие неверующего*. Очень часто христиане предлагают стандартные ответы на незначительные трудности (согласование списков царей в Книгах Царств и Паралипоменон; объяснения кажущегося противоречия между "верой" у Павла и "добрых дел" у Иакова и т. д.), в то же самое время игнорируя или проходя мимо того, что действительно не дает нехристианину стать христианином. Мы должны быть готовы посмотреть в лицо таким вопросам как кажущаяся нелогичность и недостаток справедливости в мире (Холокост; 11 сентября 2001). Неверующий взвесит их с нашим представлением утверждений Иисуса и может подумать, что эти ужасы полностью перевешивают любой аргумент в пользу "Бога во Христе, примиряя мир с Собой". Здесь нам нужно будет начать заново. Например, мы можем указать, что критический взгляд должен быть обращен не на число ужасающих событий в истории, взвешенных против единственной жертвы Иисуса Христа (вопрос количества), а на вопрос *качества*; в том смысле, что если бы только один случай зла и нелогичности существовал в человеческой истории, то было ли бы это совместимо с существованием любящего Бога, сошедшего на землю, чтобы умереть за падшую расу человечества? Так как любовь означает свободную волю и так как Бог Библии открывает Себя как совершенно благой, иррациональность и зло (в любом масштабе) будут виной творения, а не Творца; и готовность Бога незаслуженно страдать за нас должна наполнить нас благодарностью, а не вызывать критику его моральности. Такая аргументация не способна полностью ответить на вопрос, но она по крайней мере не обходит стороной истинную обеспокоенность нехристианина.

Наконец, апологет 21-ого столетия должен гораздо серьезнее подходить к апологетике. Он должен *включать апологетику в каждый аспект своего служения: каждую проповедь, каждый учебный класс, каждую евангелизацию*. Мы прискорбно пренебрегли ответственностью обучать наших молодых людей на твердом основании христианства, а потом удивляемся легкости, с которой они отходят от веры под влиянием светских университетских наставлений. Мы не даем нашим прихожанам и миссионерам никакой основы в защиту веры, а потом

---

²³ См. John Warwick Montgomery, *History, Law and Christianity* (Edmonton, Alberta: Canadian Institute for Law, Theology and Public Policy, 2002); *Where Is History Going? Essays in Support of the Historical Truth of the Christian Revelation* (Minneapolis: Bethany, 1969). Книга «*Where Is History Going?*» была опубликована на немецком языке под названием «*Weltgeschichte wohin?*» (Stuttgart-Neuhausen: Haenssler Verlag, 1977).

²⁴ Немецкие труды Герхарда Майера особенно рекомендуются для исследований подобного рода; на английском, см. его *The End of the Historical-Critical Method*, trans. E. W. Leverenz and R. F. Norden (St. Louis, Missouri: Concordia, 1977).

задаемся вопросом, почему наши евангелизационные усилия приносят так мало плода в мире, в котором люди давно ушли от принятия чего-то только потому, что кто-то еще верит этому.

Коротко говоря, в поисках места, которое апологетика должна занимать в христианском служении, мы должны возвратиться к нашим библейским и теологическим основам. Это место абсолютно очевидно. Мы должны делать то, что делал апостол: “В ожидании их в Афинах, Павел возмутился духом при виде этого города, полного идолов. Итак он рассуждал в синагоге с иудеями,... и ежедневно на площади со встречающимися, ... [и с] некоторыми эпикурейскими и стоическими философами...”²⁵ Мы должны стать “всем для всех, чтобы спасти по крайней мере некоторых; для иудеев как иудей, для язычников как язычник”, что непременно влечет за собой предоставление причин для веры, потому что именно этого требуют многие наши современники, иудеи и язычники, прежде чем они согласятся примкнуть к позиции веры. Мы не должны сокращать веру, преданную однажды святым, до культового вопроса внутреннего переживания и личного свидетельства. Существует предостаточно иррациональных религий и сект в нашем мире 21-ого столетия, чтобы давать неверующему впечатление, что христианство является всего лишь одним из них.

Итак, конечная (и, на сей раз, положительная) аксиома:

[4] АПОЛОГЕТИКА = ВСЕГДА ДАЕТ ПРИЧИНУ ДЛЯ НАДЕЖДЫ

ПРИЛОЖЕНИЕ: НАБОР АКСИОМ

[1] Апологетика ≠ Догматика

[2] Апологетика ≠ Философия

[3] Апологетика ≠ Проповедь

[4] АПОЛОГЕТИКА = ВСЕГДА ДАЕТ ПРИЧИНУ ДЛЯ НАДЕЖДЫ

---

²⁵ Деян. (17:16 и далее)